

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1965. – 752 с.

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 358 с.

Жолковский А.К. Каталоги // Zvezda/2014/6/zh011-pr.html

Таньчук, Р. Искусство коллекционирования. Коллекционирование как форма культуральной активности/ пер. с польск. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2016. – 370 с.

Batkin L.M. Die historische Gesamtheit der italienischen Renaissance: Versuch einer Charakterisierung eines Kulturtyps/ Aus dem Russ. Von I. Faix. – Dresden: Verlag der Kunst, 1979. – 503 S.

Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart. In 10 Bd./ Hg. V. W. Killy. – München: DTV, 2001. – Bd. 5. – 368 S.

Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart. In 10 Bd. /Hg. V. W. Killy. – München: DTV, 2001. – Bd. 6. – 365 S.

Die deutsche Literatur in Text und Darstellung. Aufklärung und Rokoko/ Hg. Von O.F. Best und H.-J. Schmitt. In 16 Bd. – Stuttgart: Philipp Reclam jun.; 1994. – Bd. 5. – 336 S.

Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2002. – 278 S.

Lyriktheorie: Texte von Barock bis zur Gegenwart /Hg. Von L. Völker. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1990. – 468 S.

Poetische Sprachspiele. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart /Hg. Von K.P. Dencker. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2002. – 428 S.

Rothmann K. Kleine Geschichte der deutschen Literatur. 19., erweiterte Auflage. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2009. – 542 S.

Shvabrin, Stanislav. The Burden of Memory: Mikhail Kusmin as Catalog Poet // The many Facets of Mikhail Kusmin: A Miscellany/ Ed. Lada Panova. – Bloomington, 2011. – P. 3-25.

УДК 821.112.2(436)-32(Мюллер Р.)

ББК Ш33(4Авс)6-8, 444

И. Г. Мальцева

Деромантизация тропического рая в новелле Р. Мюллера «Das Inselmädchen» («Островитянка»)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению экзотических мотивов, мифологем и образов и их разрушению и деромантизации в

новелле «Das Inselmädchen» («Островитянка»). Роберт Мюллер в данной новелле предлагает новую продуктивную форму экспрессионистского экзотизма.

Ключевые слова: экзотизм, деромантизация, мотив райского острова, благородный дикарь, культурная идентичность

Австрийский писатель, журналист и издатель Роберт Мюллер (1887-1924) при жизни был известной личностью в литературной Вене благодаря своему роману «Tropen» («Тропики», 1915). Влияние Роберта Мюллера на творчество Роберта Музиля и Георга Тракля, с которыми он был дружен, и его значение для экспрессионизма в целом признавалось его современниками. Однако в фокус современных литературоведческих исследований его творчество попало лишь в последние несколько лет.

Новелла «Das Inselmädchen» («Островитянка»), вышедшая в свет в 1919 году, является единственным произведением Роберта Мюллера, которое было переиздано после смерти автора в 1946 году с послесловием Отто Базиля. Эта новелла очень выделяется на фоне царящей в то время литературной моды на экзотические приключенческие и любовные романы с местом действия на островах Океании.

Радикальная деромантизация райских островов Океании в данной новелле отводит Роберту Мюллер роль своеобразного аутсайдера. Заголовок новеллы «Das Inselmädchen» («Островитянка») должен был будить у «экзотически настроенной» [Reif 1994: 81] читательской публики того времени ожидания любовной истории полной романтики Южного моря и эротической свободы на фоне райских тропических ландшафтов. Однако Мюллер в свойственной ему манере не оправдывает эти ожидания, напротив, он их демонтирует и изобличает, как совершенно далекие от реальности.

Обратимся к содержанию новеллы: бельгиец Рауль де Донкхард в «январе 19..» (Здесь и далее перевод наш) [Müller 1994: 16] переведен на один из меланезийских островов в качестве офицера жандармерии. Причиной перевода стали столкновения местного населения с португальскими колониальными властями. Рауль должен был стать «одновременно наблюдателем и функционером, подчиняющимся португальским властям» [Müller 1994: 16]. Однако прибытие на остров повергло бельгийца в шоковое состояние, он почувствовал угрозу своей культурной идентичности. На несколько недель он погружается в свою работу, ограничивая свои контакты лишь обществом колониальных служащих. От тропических ландшафтов и жителей

острова Рауль сначала держится как можно дальше, он активно исключает все чуждое из своего восприятия.

Лишь благодаря встрече с островитянкой Тли, которая после крещения в христианской миссии получила имя Марианна, отношение Рауля к чуждому и незнакомому меняется. Однако любовная линия, которую мог бы ожидать читатель, между ними не развивается. Рауль сближается с Тли скорее с научной точки зрения, он проводит с ней психологические псевдо-эксперименты, проверяя ее реакцию на европейский кинематограф, изучая ее эротические желания и сравнивая ее поведение с поведением европейцев.

Несмотря на то, что между Раулем и Тли не было сексуальных отношений, бельгийца подозревают в нарушении запрета на отношения между туземцами и колониальными служащими. Губернатор, двуличный антагонист Рауля, требует, чтобы Рауль прекратил отношения с Тли. После этого разговора Рауль заболевает, две недели он находится в беспмятстве из-за тяжелой лихорадки, вылечить ему помогает лекарское искусство аборигенов. С острова его отзывают, т.к. свою задачу он не выполнил, ведь во время его болезни снова происходит восстание туземцев.

Официальной причиной восстания, как и в первый раз, стала вспышка венерического заболевания среди островитянок. На обратном пути в Европу Рауль снова встречает Тли в одном южноамериканском борделе, она тяжело больна и скоро умрет. Вскоре после этого от одного дипломата Рауль узнает «островную сплетню» о своем пребывании на меланезийском острове. Выясняется, что Рауль стал жертвой интриги губернатора: Тли подослала к нему, чтобы спровоцировать восстание среди населения. Раулю, на которого ошибочно возложили вину за это, пришлось покинуть остров, а у губернатора появилась возможность беспрепятственно и без надзора со стороны материка продолжать править островом.

Хотя прибытие корабля Рауля на остров с точки зрения ситуации и перспективы восприятия можно сравнить с традиционными описаниями морских путешествий, однако, оно резко контрастирует с эстетикой описания природы традиционной для таких текстов. Взгляду Рауля открывается не притягательная райская местность, а природа, которая приводит его в замешательство и вызывает отторжение:

«Со всеми явлениями острова, которые его беспокоили, бельгийца Рауля де Донкхарда сначала примирила девушка на южном утесе острова. Над изломанными краями чисто-голубой раковины бухты вздымалось малахитовой зеленью море, застывало на мгновения как зазубренный плотный камень и разбивалось, при ближайшем

рассмотрении в движении, на длинные гребенчатые спирали, которые скручивались, сминаясь в тысячах плоскостей, обточенные бесконечно вальцующей машиной из бесконечности. Рауль де Донхард снова заставил движение вокруг себя окаменеть в изломах, подняв от него взгляд. Остров лежал там, как распахнувшиеся челюсти на этажерке, пустой и острый. Голубым небом он опирался на раковину бухты. Рауль ощутил отвращение от этого вида. Одиночество дали и моря закрепилось за скрипящим знаком, его выражением был этот дальний утес» [Müller 1994: 5].

Архаичные формы ландшафта пугают Рауля. Два «безгранично простых принципа», «чистая поверхность» в сочетании с «чрезмерно острым углом» [Müller 1994: 7], определяют природу острова. Здесь имеется в виду поверхность моря, над которой вертикально возвышается конус вулкана, потоки лавы которого и привели к возникновению острова. Растительность острова также не сильно развита:

«Формы деревьев были ущербными. Они густо росли из земли и лишь высоко вверху у них были ветви [...]. Странное растение, огромный густой чертополох, жестко выгибало свои ветви вверх, несло насыщенно красные цветы как пламя свечей строго регулируемого канделябра. Первоначальная тяга распространиться в ширину была задушена здесь в борьбе природы с самой собой в пользу древнейшего островного принципа. [...] Простые как у ребенка штрихи для создания хоть какого-нибудь порядка; тонкие гигантские грибы, это были деревья, пугающе простоватый ландшафт». [Müller 1994: 7-8].

В то время как Брандльбергеру, герою романа Мюллера «Тгореп» («Тропики», 1915), в трансоподобном состоянии открываются связи между тропическим ландшафтом и его подсознанием, Рауль перед лицом «ущербных» форм природы чувствует разочарование и даже отвращение. Это доказывают многочисленные метафоры и сравнения из ЛСП «смерть и разложение» и «зачатие и рождение», например, в эпизоде-вставке о возникновении острова, написанном в форме аукториального повествования:

«Бледно-черные леса водорослей умирали в кипящем сиянии солнца и заполняли золой трещины девственного острова, разлагающиеся рыбные трупы создавали крошечные сады гниения, которые хлебущие сверху капли дождя месили бесчисленными руками как тесто созидания. Дождь утрамбовывал его, солнце придавало форму. Жаждающая земля раздвигала колени, когда тяжелый ветер с

семенами с далеких континентов проскальзывал над ней и оставлял в ней свой мелкий груз» [Müller 1994: 6].

Таким образом, тропический остров Рауля де Донкарда – это совсем не вновь обретенный рай, как верили (фиктивные) путешественники большинства других текстов путевых заметок и романов о путешествиях на острова южных морей. Восприятие природы Раулем нагружено только негативом: «Мертвое в этом ландшафте заставило его посреди сковывающего пекла похолодеть до самых костей» [Müller 1994: 8].

Неприятие и беспокойство, которые ощущает Рауль перед лицом чуждой местности, связаны с тем, что сначала он не может найти для себя важных эталонов восприятия в незнакомом окружении, т.к. данная природная среда классифицируется по незнакомым ему пространственным образцам. Лишь после обнаружения двух принципов в этой природе (принципа чистой поверхности и принципа острого угла) Раулю удается упорядочить и оценить чуждое и незнакомое. «Он подавил свое отвращение и признал справедливость, предусмотренную природой» [Там же].

Вместо того чтобы ограничить сложность внезапно нахлынувшего ощущения природы с помощью проекций и стилизаций, Рауль упорядочивает «юную историю» [Müller 1994: 6] острова в рамках общей истории природы и человечества. Для него как представителя высококоразвитой европейской культуры природа острова все еще находится в развитии, лишь придя к такому выводу, ему удастся создать связь между своим внутренним миром и внешней средой.

Уже первое приближение судна к острову проходит отрезвляюще [Dietrich 1997: 106]. Здесь читатель, у которого заголовок новеллы вызвал совершенно определенные рецепционные ожидания, понимает содержащееся в тексте разочарование Рауля при встрече с островом южного моря. Однако для Рауля прибытие и фаза привыкания оказываются еще более проблематичными. «Он держался два дня, подавлял все впечатления своими упорными предрассудками, располагал их в своем внутреннем пространстве вокруг европейского центра жизни, а на третий день он как в пустоту провалился под собственным весом. Темп и направление снаружи были сильнее, чем его привезенное с собой внутреннее оборудование для тропиков» [Müller 1994: 18].

Здесь Мюллер изображает форму опыта встречи с чужим, которое в своей радикальности становится угрозой для протагониста. Такой подход является ярким исключением в литературе о путешествиях в

экзотические страны, авторы которой охотно видели в чужеземных странах желанный рай.

Система стереотипов Рауля и его самопонимание как европейца («внутреннее оборудование для тропиков») не могут больше фильтровать и систематизировать поступающий извне опыт, что в итоге приводит к перенапряжению: «Он не мог ни с чем установить связь. Он не мог ни думать, ни спать, после первого наплыва общих впечатлений все наблюдения просто застыли, он скукожился от недостатка подпитки от органов чувств. Предлагаемое его состояние отвергало» [Там же].

Обилие поступающей информации переходит у Рауля в «белый шум», он равнодушно реагирует на окружающее, ведь ему не удается выстроить систему чувств, необходимую для дальнейшего столкновения с новым. Первые недели своего пребывания на острове он проводит, погрузившись в работу и ограничившись окружением колониальных служащих.

Лишь спустя несколько недель Раулю удается назвать причину своего замешательства: «Ужас тропического существования состоит в полном отсутствии у него будущего» [Müller 1994: 20], ведь как европеец он привык думать и действовать, ориентируясь на будущее. Одновременно с этим он осознает, что он хотя и находится с точки зрения пространства в тропиках, но, как и прежде, детерминирован европейски социализованными культурными признаками. Дисгармония внутреннего мира и окружающей среды грозит завершиться кризисом идентичности. «Тропики не подходят для личности. [...] Тропики не понять порядком индивидуального, как это возможно в Европе в тени шепчущих, упорядочивающих лесов» [Müller 1994: 20-21].

Временной конечной точкой конфликта Рауля с перегружающим его восприятием природы стала морская прогулка вокруг острова. Бинобль открыл протагонисту новый, одновременно тотальный и симультанный, вид на местность, которая перестает восприниматься как угроза. Превратившись в создателя своего личного образа острова, Раулю удается освоить эту чуждость, и она становится содержанием и предметом европейского сознания. Открытие острова происходит с использованием не историографического, а эстетического метода, т.е. остров предстает не как данность, обнаруженная однажды, а как «идея» наблюдателя.

Данная субъективизация восприятия чужого и незнакомого становится условием возникновения литературного экзотизма и «мифа южных морей» [Ср.: Hall 2008: 43-71]. В популярных романах того

времени о путешествиях в экзотические страны авторы для создания тривиальной привлекательности, как правило, использовали в качестве экзотизмов мифологемы как «взаимозаменяемые архивные элементы» [Dietrich 1997: 99]. Тем не менее, отсутствовали новые содержания, которые бы устанавливали отношения между своим и чужим.

Несмотря на то, что Роберт Мюллер использует экзотические мифологемы и образы (например, образ таитянки), он разрушает их, одновременно предлагая новую продуктивную форму экзотизма. В новелле «Das Inselmädchen» («Островитянка») Мюллер демонстрирует «переход от миметически-экстенсивного (импрессионистского) экзотизма к амиметически-интенсивному (экспрессионистскому)» [Там же: 110], о котором он написал в своем эссе «Der Kolonialmensch als Romantiker und Sozialist» («Колониальный человек как романтик и социалист», 1919):

*«Сегодня больше не осталось ничего локально экзотического. Лишь у души еще остались диковинные континенты. Там еще можно заблудиться, там еще можно натолкнуться на открытия. Экзотическое вообще являлось и является лишь проекцией души. [...] Потребность в экзотике – это духовная константа. Те, кто двадцать, тридцать лет тому назад со всем искусством изображали бы гавань Батавии (сегодня Джакарта – прим. И.М.): возможно, они будут изображать ее еще и сегодня. Но она уже больше не является конкретной точкой на географической карте, она – символ познающего мир сознания. Внешне различие невелико; так как и **впечатляющая гавань** была символом переживания мира, как сегодня это должно стать **выражением гавани** какой-нибудь души, сочиняющей свои формы во временном и пространственном восприятии экспрессионизма. [...] Двигаться дальше, но оставаться экзотическим. Мы никогда не станем другими. То, что мы преодолели, это лишь горизонтальная экзотика. [...] Однако большая публика в душевно-историческом плане лишь теперь останавливается там, где прогрессивная литература была четверть века назад. Это одна из причин панического страха перед переселением» [Müller 1995: 339-342].*

Несмотря на то, что Мюллер связывает литературную традицию приключенческих романов о путешествиях в экзотические страны с экзотизмом встречи и самопознания довоенного времени, он отрицает бегство от цивилизации и регрессивные утопии. В новелле «Das Inselmädchen» («Островитянка») Роберт Мюллер нарушает традицию «мифа южных морей» и разрушает экзотизм, подчеркивая угрожающую идентичности силу чуждого и незнакомого.

Одновременно он отмечает смену манеры письма с импрессионистской на экспрессионистскую, выделяя «выражение», а не «впечатление».

Роберт Мюллер разрушает мотив тропического острова, к его времени уже превратившийся в тривиальный экзотизм, чтобы дать ему новую жизнь. Мифологемы «благородный дикарь» и «золотой век» также получают в новелле новое звучание согласно трехэтапной модели развития человеческой истории Мюллера.

Согласно этой модели, на первом этапе находится «первобытный человек», вегетативный чувственный человек, в новелле он находит воплощение в образе островитянки Тли. На втором этапе, как своего рода отрицание первобытного человека, «современный человек», техноидный культурный человек Европы, отличающийся от первобытного человека способностью к аналитическому мышлению, его представителем является Рауль. Третий этап в концепции Мюллера остается неясным и неопределенным, но может быть описан как «пост-рациональное антропологическое измерение существования» [Liederer 2004: 176]. На этом этапе происходит синтез первобытного и современного человека. Встреча с первобытным человеком для современного человека является индивидуальным постижением эволюции истории человечества и служит подготовкой для их синтеза. Поэтому у Мюллера речь идет не о регрессивном побеге от цивилизации, а скорее об опыте познания новых или позабытых уровней подсознания.

Рауль, введенный как аналитик, организатор и рациональный человек рассудка, хочет осуществить синтез первобытного и современного человека с помощью отношений с островитянкой. Однако ему это не удастся, потому что хотя он и обнаруживает признаки «нового типа», но все же остается, прежде всего, современным человеком:

«Он относился к типу, постепенно формирующемуся в Западной Европе и распространяющемуся с севера на восток. Он – кельтского происхождения и состоит в отмеченности безрезультатной усталостью, заботой, которая сидит в голове, а не в сердце, церебральной печалью, возникающей в духовном преодолении материальных проблем, и которую находят у высокопоставленных крупных торговцев, инженеров, психологов-криминалистов и спортсменов. Эти черты являются последствием мыслительных тренировок» [Müller 1994: 17-18].

Рауль хочет найти у Тли такие свойства первобытного человека, как интуиция и инстинкт, не хватающие ему как современному

человеку для синтеза. Чтобы усвоить образцы ее поведения, он пытается их понять. Поэтому их отношения больше похожи на этнологический эксперимент, чем на любовные отношения.

Четырнадцатилетняя Тли не является соблазнительной южной красавицей: ее лицо *«было темным как у маори, окруженное свисающими черными, сухими волосами; голова по европейским понятиям была слишком большой, между участками на лбу и областью резцов широкой вставкой рос нос, как будто вывернутый вперед, со спускающимися ко рту ноздрями и крайне неприятной выступающей формы. На лице светился ум и темная прелесть, неприятные черты стали близки»* [Müller 1994: 24].

Таким образом, очарование Тли для Рауля состоит не в ее телесной привлекательности, а в том, что она выступает как подходящий объект для его эксперимента. В своих этнологических усилиях Рауль видит возможность верификации, ради которой он прибыл на остров. «Не замечая этого, он все же взялся за эту личную задачу – так сильно было определяющее его стремление, закон его мироустановки» [Müller 1994: 46].

Рауль ставит себе цель сгладить различие между «примитивной» и «цивилизованной» культурой с помощью псевдонаучного исследования. В разговоре с Тли / Марианной⁷ он замечает, «что у определенной границы сила ее ума, которая в пределах удобного для нее участка была значительной, внезапно прервалась. Новый мир представлений остался полностью подчинен другому, даже монахи не смогли внушить ей принципиального сомнения в отношении явлений. Единственное, что они изменили в юном мозгу это лишь религиозные цифры и формулы» [Müller 1994: 45]. И Рауль начинает систематически проводить свой эксперимент. Сначала в кино он проверяет ее понимание причинных связей:

«Тем сильнее бросалось в глаза понимание, которое Марианна показывала в отношении реальных связей. [...] Марианна отслеживала связи, если они не были вызваны техническими условиями, которые могли быть ей непривычны, как умный ребенок. Однако что-то

⁷ Мюллер использует имя «Марианна» для островитянки только когда она находится среди «цивилизованных», когда она наедине с Раулем или в окружении коренных жителей острова он называет ее Тли. Использование христианского имени можно расценить, как попытку европейцев дать жительнице острова новую идентичность как колонизированной и подданной западного государства. Однако это не удается, т.к. Тли не принимает новое имя полностью, а использует его ситуативно. Два имени являются выражением двойной идентичности как «дикой» и «цивилизованной». Однако островитянка не ощущает эту двойную идентичность как небезопасную или тревожную, она принимает ее без рефлексии.

чудесное, что не могло бы ее порадовать, ее ни капли не удивляло. Она воспринимала его как данность, не подлежащую анализу» [Там же].

Бельгиец при любой возможности наблюдал за Тли и выводил из своих наблюдений закономерности ее поведения, служившие ему основой для сравнения человека первобытного и современного.

«Рауль сравнил закономерности. Тли удивлялась там, где она понимала. Если она не понимала, она не удивлялась, она принимала, у нее не было органа для этого. У северян есть орган удивления. Для наших лиц типично выражение постоянной озадаченности. Чем больше мы знаем, тем сильнее мы озадачены. Среди нас есть некоторые, кто больше не выходит из состояния озадаченности. Они постоянно потирают лоб, и такие лбы видно, они широкие, от них исходит блеск. Рауль удивлялся Тли. Было логически верно предположить, что он ее понимал. Несмотря на ее чудовищность и ее тягелюю простоту она не могла быть другой, не такой, какой он ее считал, без серьезных тайн, глуповой, маленькое чудовище, первобытный человек» [Müller 1994: 46-47].

Европеец был убежден в том, что он благодаря своим аналитическим и рациональным способностям понимает Тли и видит ее насквозь. Из-за отсутствия у нее желания к рефлексии он считает ее ребенком. Хотя на ум островитянки много раз указывается в тексте, даже при этом четко проявляется европейское чувство превосходства, которое со времен Просвещения постоянно проявляется при изображении аборигенов, когда их сравнивают с детьми [Ср.: Hall 2008: 74-90].

Однако если просветители исходили из того, что были найдены люди, стоящие на более раннем антропологическом этапе развития и принципиально способные достичь того же цивилизационного состояния что и их европейские первооткрыватели, то в концепции истории человеческого развития Роберта Мюллера подобная динамика отсутствует.

В новелле первобытный и современный человек живут рядом друг с другом в автономных сферах с отсутствием взаимообмена, который мог бы стать основой для развития цивилизации. Синтезу первобытного и современного человека препятствуют, во-первых, законы колонизаторов, во-вторых, глубокие расистские предрассудки. Рауль не интегрируется в двуличное колониальное общество и отказывается от его латентного расизма. Однако им усвоены правила этого общества, прежде всего, запрет на сексуальные отношения между колониальными служащими и меланезийцами.

В свой эксперимент Рауль включает сексуальность Тли, и ему не удается избежать скрытой эротичности, которую излучает юная девушка. «Хотя она означала для Рауля эксперимент, но она была женщиной, у нее было полное гибкое тело неразрушенной женщины» [Müller 1994: 49].

По поводу связи эротических отношений и экзотизма Роберт Мюллер высказывается в своем эссе «Der Kolonialmensch als Romantiker und Sozialist» («Колониальный человек как романтик и социалист»): «Какие представления [...] пробуждает женщина другой расы в душе современного европейца! Градус широты связан с глубинами его души, поэтому километровые расстояния он измеряет всей своей личностью, универсальным переживанием, т.е. так сказать эротически» [Müller 1995: 339]. Тем самым опыт столкновения с чуждым и незнакомым является не только угрожающим идентичности, но и эротическим опытом.

Однако «эротический экзотизм» протагониста не исполняет надежду на «эксцессивную и аморальную любовную идиллию» [Müller 1994: 26] на островах южных морей, т.к. нагота, «разгаданная тайна тела» [Müller 1994: 25], отрезвляет белого человека, разрушает эротику: «Глубокомыслие европейца, эротическое убежище, выравнивается среди обнаженных человеческих тел. Внезапное массовое обнажение как шок, которому подвергается душа белого человека при первом контакте с интенсивными тропиками» [Там же]. Тоска Рауля «о неограниченной телесности» и «невывраженное желание первобытного состояния» [Там же] выступают движущими силами в его отношениях с Тли, и они же являются движущей силой «цивилизованного» общества:

«Новые явления, спорт, движения под открытым небом и экзотическая литература являются утечками обострившейся блокировки, все путешествия первоначально развиваются из тяги устремленной вдаль первобытной человечности. Затем белый человек приходит в тропики. Он распадается на куски, то, что он считал своим ядром, плавится перед лицом великого светила, заполняющего день и не терпящего таинственности и теней» [Müller 1994: 25].

Аукториальный повествователь описывает здесь экзотическую литературу и другие общественные проявления как замкнутый в рамках собственной культуры поиск первобытной человечности. Путешествуя, современный человек ищет в дальних странах противопоставленное ему состояние сознания. Однако опыт встречи с чужим и незнакомым угрожает индивидуальной идентификации. Фантазии о саморастворении, например, распадение на куски или

расплавление указывают на страх путешественника потерять личную и культурную идентичность.

Как единственное спасение выступает возвращение в умеренные широты: «Рауль де Донкхард остался на четыре недели в Сиднее и поправился в сухом климате, который распространялся здесь даже на души людей» [Müller 1994: 63].

То, что происходит с Тли и Раулем на индивидуально-человеческом уровне эквивалентно на общечеловеческом уровне отношениям колонизаторов и колонизируемых. Первобытный человек как совокупность всех жителей острова является объектом изучения колонизаторов так же, как Тли была объектом исследования Рауля. И если у европейцев существует возможность при неудаче своего эксперимента вернуться назад, то для объекта эксперимент имеет смертельный исход.

С колонизацией завершается «миф острова» [Müller 1994: 10], передаваемая из поколения в поколение история заселения коренных жителей и их древний род. Ведь именно контакт с европейцами ведет к утрате той невинности и примитивности, которую пытаются найти белые у первобытных людей. В новелле этот перелом реализуется с помощью смены перспективы. Так, например, начало колонизации, первый культурный контакт с европейцами изображен еще с точки зрения жителей острова:

«У них осталась кроткая и радостная улыбка с тех времен, когда их предки после тусклых дней и ночей высадились в голубой раковине бухты. Она оставалась, когда перед мягкими ветрами прибыли плавучие острова с симметричными облаками и спустили лодки, и светящиеся, что страшно смотреть, мужчины с акулыими лицами и твердой чешуей на громадных телах лязгали на берегу» [Там же].

С прибытием европейцев жизнь коренных жителей очень сильно меняется, прежде всего, из-за технических новшеств, которые те привезли с собой: «Из первобытного периода, без подготовки, после первого непривычного удивления, у них же было мало времени на это, они перепрыгнули в высокоразвитый век металла» [Müller 1994: 11].

Рассказчик показывает эксплуатацию коренных жителей острова прибывшими, когда изображает обмен жемчуга на дешевые безделушки. Одновременно из-за европейских предметов у первобытных людей возникают новые потребности, что приводит к тому, что у них развивается доселе им неведомая форма жадности, и они из-за страсти к наживе подвергают свою жизнь опасности. Текущей конечной точкой «истории острова» [Müller 1994: 14]

становится колонизация острова португальскими властями, с этого момента повествование ведется с перспективы европейцев:

«После французских миссионеров, однажды захвативших остров и долгое время им владевших, вследствие каких-то политических интриг прибыли португальские офицеры и служащие, превратили укрепленный монастырь на южном выступе острова в форт, расстреляли для соблюдения формальностей пару знатных семей и превратили остров в немного более жаркую и еще более скучающую Португалию» [Müller 1994: 13].

Однако сделать местное население острова полностью цивилизованным не удалось. Это показывает, например, тот факт, что Марианна / Тли использует оба своих имени в зависимости от социального контекста. Так, европейский образец на острове кажется комически-причудливой деформацией, когда капелла туземцев «играла новейшую венскую оперетту с гротескными ошибками, с рваным тактом, больше подходящим для иберийских кастаньет» [Müller 1994: 40].

Ассимиляция в обратном направлении также была неудачной: культурный человек, представленный Раулем, не способен развивать свою активность в тропическом климате. Он проигрывает в борьбе за власть с губернатором, и его ожидаемое возвращение к первобытному человеку терпит неудачу.

Несмотря на то, что автор изображает влияние европейцев и насилие, используемое колонизаторами, совершенно отстраненно, тем не менее, в тексте отсутствует ясная перспектива критики колониализма. То, что товары европейцев становятся причиной появления новых потребностей у коренного населения, заметили еще первые путешественники.

Однако использование главной героини Тли в качестве объекта для этнографических исследований не подвергается сомнению как неэтичное, оно представлено как необходимое для совершенствования европейского индивидуума. В анимализации туземки Тли можно даже увидеть латентный расизм: «Она не плакала, она выла как тоскующее животное»; «ее взгляд печального животного снова воспламенил его» [Müller 1994: 49].

Тем не менее, в новелле Роберта Мюллера речь идет не о рассмотрении легитимности колониализма, автора больше интересует критический разбор экзотизма его времени. В эссе «Der Kolonialmensch als Romantiker und Sozialist» («Колониальный человек как романтик и социалист») Мюллер выступает за отделение политического колониального вопроса от экзотизма, которому он

приписывает чисто эстетическое и психическое измерение: «Нужно освободить вопрос колоний и переселенцев от всей устаревшей экзотики» [Müller 1995: 341]. Новелла показывает парадоксальность и тем самым бесперспективность экзотизма, характеризующегося евроцентризмом и одновременно направленностью на опыт различий.

Рауль, защищая свои отношения с Тли перед губернатором, представляет их в своей защитной речи как научную и политическую задачу. Однако в ретроспективе его попытки познать душу первобытного человека оказываются проекцией европейских стремлений. Рауль предстает как представитель «бесперспективного и беспомощного экзотизма», о котором Карл Айнштайн по поводу модного движения экзотизма своего времени пишет: «Часто экзотизм – это непродуктивная романтика, географический александризм. Беспомощно негрирует неоригинальный человек» [Dietrich 1997: 104-105].

Таким образом, хотя Роберт Мюллер и использует литературные экзотические мифологемы, он одновременно их и разрушает. Его обращение с ними скорее чисто эстетическое. По мнению Роберта Мюллера, мифологемы райского тропического острова и благородного дикаря уже не имеют ценности и значения для европейцев раннего 20-го века. Он критикует экзотизм своего времени как бесплодную проекцию европейских устремлений. Подобная деромантизация и деконструкция экзотических мотивов и мифологем становится одним из этапов становления литературного экспрессионизма.

Литература

Dietrich S. Poetik der Paradoxie. Zu Robert Müllers fiktionaler Prosa. – Siegen: Bösch, 1997. – 231 S.

Hall A. Paradies auf Erden? Mythenbildung als Form von Fremdwahrnehmung – Der Südsee-Mythos in Schlüsselphasen der deutschen Literatur. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2008. – 245 S.

Liederer Ch. Der Mensch und seine Realität. Anthropologie und Wirklichkeit im poetischen Werk des Expressionisten Robert Müller. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2004. – 389 S.

Müller R. Das Inselmädchen: Novelle / Hrsg. W. Reif. – Paderborn: Igel, 1994. – 93 S.

Müller R. Der Kolonialmensch als Romantiker und Sozialist // Kritische Schriften II / hrsg. von E. Fischer. – Paderborn, 1995. – S. 338-344.

Reif W. Nachwort // Das Inselmädchen: Novelle / Robert Müller / Hrsg. W. Reif. – Paderborn: Igel, 1994. – S. 69-93.

Переводоведение и лингвистика

УДК81 255.2
ББК Ш307

Акашева Т.В., Рахимова Н.М.

Прагматический аспект перевода риторических фигур в художественном произведении

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам перевода риторических фигур, прагматический потенциал которых в художественном тексте чрезвычайно высок. В статье рассматриваются способы сохранения прагматического потенциала риторических фигур в произведениях Э. Елинек при переводе на русский язык.

Ключевые слова: риторические фигуры: повтор, анафора, эпифора, стык, параллелизм, хиазм, эллипсис, риторический вопрос, катахреза, зевгма, симплока, стык; художественный текст, прагматический потенциал, перевод

Изучение прагматических аспектов перевода составляет одну из центральных задач теории перевода. Соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различным, и прагматическая адекватность перевода необязательно заключается в сохранении прагматики исходного текста.

Как известно, всякое высказывание создается с целью получить какой-то коммуникативный эффект, поэтому прагматический потенциал составляет важнейшую часть содержания высказывания. Отсюда следует вывод, что и в тексте перевода важную роль играет его прагматика, следовательно, переводчику необходимо стремиться к достижению желаемого воздействия на реципиент в зависимости от цели перевода. При этом у переводчика есть два пути: он либо воспроизводит прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяет его.